

ГЛАВА

1

НОЧНОЙ ПРИНЦ

Зов крови никуда не исчез. Он тяжело и ощутимо поднимал голову всякий раз, когда я клал руку на черные боевые топоры на поясе. Существо внутри меня продолжало дышать, незримо и молчаливо желая крови и чужой боли. Будто я слишком долго жил с проклятием, и теперь какая-то часть моей души навсегда омертвела, подчинившись безобразному зверю, которому я позволял занимать мое тело снова и снова.

Я собирался хранить это в тайне.

Сидя на валуне среди деревьев, я вдыхал сырой воздух с привкусом меди. С привкусом крови, смешанной с остатками бури. Я дышал им, пытаюсь успокоить беснующееся сердце, но никак не мог насытиться.

— Напомни, зачем мы снова это делаем?

Я оглянулся на Тора. Он скреб точильным камнем по кинжалу, впившись в меня пристальным взглядом. Прямо как раньше, когда Сол был жив, а я был их мальчиком на побегушках.

Когда жизнь еще имела смысл.

— Помнишь, ты преклонил колена? Мне это больше понравилось, чем твои вопросы. — Я отвернулся и положил руку на топор.

— Да, порадовался минутку, что воспоминания вернулись, — Тор отложил клинок и подошел ко мне. — Скажи мне, принц, чего ты добьешься мелкими разбоями?

Я обвел большим пальцем бесполезный теперь черный камень провидца, висевший у меня на шее. Ответа у меня не было, и, как ни противно это осознавать, четкого плана тоже. Я кое-как постарался придать голосу уверенности.

— Потеря каждого каравана — новый удар по казне ложного короля и новый повод для тревоги.

Тор закатил глаза, и я чуть не рассмеялся.

Когда-то он спорил с Солом с точно таким же выражением лица. Воспоминания оживали постепенно, складываясь в картину, как кусочки головоломки. Кто-то из нас то и дело замирал, потирал лоб и описывал новый момент старой жизни.

Мы либо смеялись, либо подбрасывали это воспоминание в костер нашей жажды мести.

— А еще это новый шаг к ней, — понизил голос Тор. — Хотя ты говорил, что хочешь оставить ее в покое.

В груди завозился непонятный страх, и рука сама сжалась в кулак. Странное чувство, которым я не мог рисковать и которого не мог желать.

Она не должна была иметь ничего общего ни со мной, ни с гильдией Теней, ни с моей нескончаемой войной за каждую каплю крови моих родных. Это было бы несправедливо. По крайней мере, так я оправдывал свое решение перед самим собой. Но глубоко внутри я знал — и эта причина была куда ближе к истине, — что рядом с Элизой Лисандер испарятся все остатки моей жажды крови, а я не был готов с ними распрощаться.

Так что я привычно сделал вид, будто все это мне совершенно безразлично, и открыто встретил взгляд Тора, радуясь тому, что он наконец не выдержал и отвел глаза.

— Я не собираюсь сближаться ни с кем из тиморцев.

— Правда? Рад слышать, коль скоро твоя Квинна — тиморанка. Неважно, что она сделала, чтобы снять проклятие, — в ней течет кровь короля Элизея. Она даже носит его чер-

тово имя. Если ты хочешь двигаться вперед, мы справимся без нее. Верно?

Я посмотрел на кусок красной ткани в руках.

— Если только ты не хочешь признать, что передумал. Или, скорее, за тебя это сделало твое сердце, — показался из-за дерева Халвар, слизывая жир с пальцев и отбрасывая кость речной птицы. — Клянусь небом, я даже не скажу тебе: «Я же говорил». Хотя на самом деле говорил, и много раз.

— Элизе с нами не место, — сказал я, убеждая скорее себя, чем Тора с Халваром.

— Именно, — согласился Тор. — Она сыграла свою роль, теперь для нее же лучше держаться от нас подальше.

— Как трогательно вы думаете вслух. Будто стараетесь убедить судьбу, что привела ее к нам. Будто судьбе важно ваше мнение. Элиза — его хьярта, песня сердца нашего принца.

— Правда? — со смешком фыркнул Тор. — Когда это ты так размяк?

— Из нас троих я всегда был самым чутким любовником, хотя я тверд как скала. Отрицай сколько угодно, Торстен, но это ты тут встречал свою хьярту, так что должен был понять скорее, чем я. Но, думается мне, ты тоже тогда пытался закрыть свое маленькое черное сердце. — Халвар со злобным смешком увернулся от тяжелой руки Тора и посмотрел на меня. — Я от своих

слов отказываться не стану и с удовольствием посмотрю, как ты станешь бороться с влечением к Квинне Элизе, мой принц. Вообще-то, я соврал. Я скажу «Я же говорил» по меньшей мере сотню раз, как только ты...

— Жалко, что от проклятия не немеют, — перебил Тор.

Я сжал зубы, чтобы не улыбнуться. Я скучал по ним. Таким же, как когда-то давно. Пусть даже я снова был надоедливый младшим братом Сола, а эти двое обидно подшучивали надо мной. Не хватало только Херьи и самого Сола. Сестра всегда бы за меня заступилась, а Сол придумал бы, как заставить Новый Тимор заплатить за кровь и страдания нашего народа.

— Давайте двигаться, — я повернулся к Халвару и сузил глаза. — И Элиза не моя хьярта.

Он усмехнулся, как будто я снова был забавным ребенком.

— Как скажете, мой принц.

Это была старая романтическая сказка. Ночной народ любил ее больше всех. Древний хаос, что неразрывно связывал души двух влюбленных, как созвучные ноты.

Смешно.

И больно.

Отец всегда называл маму песней своего сердца. А она была тиморанкой. Так, может...

Нет. Мне нельзя искать связи с Элизой Лисандер. Я использовал ее, чтобы снять проклятие. Мы преуспели. Дело сделано.

Я опустил на корточки, прищурился и всмотрелся в ухабы торговой дороги под скалистым выступом. Неприметный путь, спрятанный за черными дубами, завесами ив и вечнозеленой хвоей. Верхушки деревьев путались в собирающемся тумане, как пальцы — в волосах возлюбленной. Даже сквозь дымку я четко различал черные кареты. С тех пор как хаос и воспоминания вырвались за стену проклятия, мои глаза стали зорче по ночам. Этим я славился еще в той, давно ушедшей жизни.

Ночной Принц, государь, рожденный под серпом растущей луны, принц теней, наделенный хаосом земли. Я всегда предпочитал сумерки рассвету, и годы этого не изменили.

По дороге, трясясь и подскакивая на корнях и зарослях колючего кустарника, двигались три кареты. За каждой тянулась вереница измученных пеших крепостных.

Кровь. Десятки эттанцев, облаченных в цвета Воронова Пика, несли атласные ткани и ленты. Другие тащили на плечах тяжелые холщовые мешки. Третьи — бесконечные перья, иглы и булавки для швей и портных. Почти все без обуви. Согнувшиеся, спотыкающиеся об острые камни, они брели по дорожной пыли. Даже дети.

Ненависть исказила мое лицо.

Девочка — кожа да кости — несла мешок зерна размером с нее саму, пока сопровождавшие караван вороны сидели на толстых задницах, не замечая страдающих людей под ногами. Моих людей.

Я не мог быть их принцем. Им нужен был совсем не я. Но я мог стать злодеем от их имени. Разбойником, поставившим Воронов Пик на колени.

Только так я смогу освободиться от власти над этой богами забытой землей.

Не такую Этту я помнил с детства. Эту новую землю я не узнавал и не находил в себе сил ее любить. С ее жителями меня связывало не более чем чувство долга, и править ими я не мог и не хотел.

Когда я отомщу, я стану не лучше теперешнего лжекороля.

— На черта нам перья и булавки? — пробормотал Халвар. — Где повозки с золотом?

Он спрыгнул с верхнего выступа и встал рядом со мной. В плаще Тени, с замазанным черным лицом, он почти сливался с ночью.

— Это же все игра, идиот, — Тор тоже спустился с выступа и присел шагах в десяти от нас, растворившись во тьме. На кончиках его пальцев вспыхнули и погасли бледно-голубые искры. Он сжал кулаки. Такие силы, как хаос огня, сложнее всего поддавались контролю. Ко-

гда вернулись воспоминания, Тору в каком-то смысле пришлось заново обуздать свою магию.

— Как по мне, бить лжекороля надо по больному месту — прямо по казне.

— В свое время, Халвар, — сухо ответил я. — В свое время.

С тех пор как спало проклятие, мы стали занозой в боку мальчишки Колдера — дурака, убившего отца ради короны.

Первыми стали стражники, которых он отправил в Черную Гробницу. Всякий раз, вспоминая их, я отбрасывал подальше тяжесть угрызений совести. Тех людей послали узнать, что произошло, но они нашли лишь свою смерть. Все, кроме одного. Мы оставили его в живых, чтобы бедняга доковылял до замка и рассказал о Кровавом Рэйфе и гильдии Теней.

Кровавый Рэйф был моим способом достижения цели, и я был готов окончательно погрязнуть в его личине. Я не мог быть Валеном Ферусом — груз этого имени был слишком велик для простой мести. А я должен был отомстить. Кровь моих родных пропитала землю Старой Этты, а их крики звенели у меня в ушах всякий раз, когда я ложился спать.

Я хотел, чтобы Тимор превратился в руины.

— Как вернее всего сокрушить королевство, Халвар? — тихо спросил я. Халвар сложил руки на груди, вглядываясь в караван.

— Предать огню, обобрать до нитки, казнить короля? Я люблю твои загадки, мой принц, но на эту ответь мне ты. Я устал ждать.

Я усмехнулся. Боги, он совсем не изменился. С проклятием или без, Халвара всегда было много. Говорить — так без умолку, любить — так до безумия, идти вместе — так до конца.

— Хочешь уничтожить королевство — вбей клин между королем и народом, мой друг. Разоблачи его жадность и покажи людям правду: пока они страдают, он богатеет.

— И поэтому мы должны заставить эттанцев страдать еще больше?

— Тиморцев. Наш народ и так достаточно натерпелся. Но и среди тиморцев есть обычные люди. Они прекрасно видят, как их кошельки и кладовые скудеют, пока король и его приближенные купаются в золоте.

Я снова повернулся лицом к торговой дороге и усмехнулся. К тому времени, как мы закончим, тиморцы перестанут верить в своего короля-труса. Они увидят его истинное змеиное нутро. Они сами свергнут его, и тогда в этой земле снова проснется магия. И Этта снова станет великой.

Оставалось лишь найти подходящего сына Ночного народа, готового принять корону потрепанного королевства. Я откажусь от своих притязаний, и земля выберет другого.

Королей Этты выбирал хаос. Этот дар послали сюда боги, и жители этой земли не могли не полагаться на него, решая, кто будет ею править.

Халвар присел рядом со мной.

— Она узнает, что это ты.

Слова вонзились в грудь кинжалом — так резко и болезненно, что внутри все заныло. Я мог игнорировать эту боль точно так же, как игнорировал зов крови.

Но тоска по ней оказалась зверем более свирепым, и укрощать его я еще не научился.

— Не имеет значения. — Имело, и огромное. И я ненавижу себя за это. — Пусть презирает меня. Так будет проще.

Халвар сжал губы — в кои-то веки — и просто покачал головой. Я отвернулся от него, держа в руках красную маску.

Она терпеть ее не могла, даже поклялась подыскать мне другой цвет. Тогда, когда мы вместе мечтали освободить эту землю. Я закрыл глаза и похоронил беспокойство глубоко внутри, думая о своей цели, пока сердце не зажглось ненавистью и ярость не поглотила воспоминания о ее губах и нежной коже.

Нос, рот и подбородок скрылись за красной тканью. Она пропиталась пьянящим запахом дыма, пота и крови.

Я глубоко вдохнул.

Руки набросили на голову черный капюшон. В сердце нарастала боль, которая требовала, чтобы я попрощался с Элизой, как это было перед каждым налетом. Она и правда знала, что это я причиняю боль ее народу. Тем лучше для нее. Я не тот, кто ей нужен. Я жаждал лишь крови.

«Прости меня», — пронеслась в голове непрощенная мысль. Я крутанул в руке топор.

Тор раскрыл ладонь, и ее охватило холодное пламя. Халвар призвал хаос воздуха и сгустил над нами грозовые тучи.

Я покрепче перехватил рукояти топоров. Покажи я свой дар повелевать землей, и меня бы узнали. Впрочем, мне не нужен был хаос, чтобы убивать. В человеческой силе и искусстве владения оружием я находил больше чести.

Жестокая ухмылка скривила мои губы под маской. Караван шел прямо под нами. Воронова Пика они не достигнут.

— За Этту, — мрачно сказал я.

— За Этту, — повторили мои друзья.

Я шагнул вниз.

Кровь звала.